

Е. Я. Бурлина

<https://orcid.org/0000-0002-4303-2905>

Толерантность как процесс: «Веселые праведники» А. М. Горького 1930-х гг.

Отношения согласия, сочувствия и компромисса, называемые сегодня в европейских культурных практиках «толерантностью», имеют глубокие корни в русской культуре и философии. Актуальность и новизна предлагаемой статьи состоит в том, что культурный феномен толерантности рассматривается в контексте советской культуры 1930-х гг. Данный период мало соответствует проявлениям согласия и компромисса. Популярная в молодой советской России фраза «Кто не с нами, тот против нас» ассоциируется не только с пропагандой, но и с актуальными в тот период художественными программами. К тому же творчество М. Горького более ранних периодов, как подтверждают исследователи, отличалось известной романтической нетерпимостью. Однако в последние годы, в период создания масштабных просветительских и издательских проектов, которые он считал первоочередными для роста и развития культуры России, Горький был склонен к компромиссам. Автор статьи считает, что на этой «компромиссной» концепции базируется очерк Горького, написанный в 1927 г. и не привлекавший до сих пор особого внимания. Вместе с тем автор считал его важным, поскольку включил в его в Полное собрание сочинение, рядом с очерками «В. И. Ленин» и «Красин». Одним из героев очерка, который пристально рассматривается в данной статье, является дореволюционный инженер и писатель Николай Гарин-Михайловский (1852–1906), а другим – юрист Яков Тейтель (1850–1939). Горький называет Тейтеля «веселым праведником», уточняя, что «веселых праведников» ему довелось встретить максимум шестерых. Ссылаясь на Христа, Франциска Ассизского, основателя «Красного Креста» Анри Дюнана и негибкого доктора Ф. П. Гааза, писатель моделирует биографию, которая была мало востребованной в 1930-е гг. Точно так же импонирует Горькому Н. Гарин-Михайловский, инженер и писатель, происходивший из высокопоставленной дворянской семьи. Гарин, по мнению Горького, отличался редким творческим потенциалом, кругозором и отзывчивостью. Вывод данной статьи состоит в том, что портреты русских интеллигентов, способных к согласию и компромиссу, становятся актуальными для Горького позднего периода. В этом проявлялись его гуманность и предвидение будущего.

Ключевые слова: А. М. Горький, Н. Г. Гарин-Михайловский, Я. Л. Тейтель, воспоминания 1930-х гг. о провинциальной Самаре, биографии креативного и отзывчивого инженера, а также «веселого праведника» как культурная модель, толерантность как со-чувствие, со-гласие и компромисс.

Е. Ya. Burlina

Tolerance as a Process: Gorky's «Merry Righteous Men» in the 1930-s

The relations of sympathy and compromise, now called «tolerance» in European cultural practices, have deep roots in Russian culture and philosophy. The relevance and novelty of the proposed article is that a cultural phenomenon of tolerance seen in the context of the Soviet culture of the 1930-s. This period is not consistent with the expressions of consent and inclination to compromise. Popular in the young Soviet Russia phrase: «Who is not with us, he is against us» is associated not only with propaganda, but also with relevant at that time art programs. In addition, M. Gorky's works of earlier periods, as confirmed by the researchers, were famous romantic intolerance. However, in recent years, during the creation of large-scale educational and publishing projects, which he considered paramount for the growth and development of Russian culture, Gorky was inclined to compromise. The author believes that this new and «compromise» concept for the writer is based on Gorky's essay, written in 1927 and has not attracted much attention so far. One of the heroes is pre-revolutionary engineer and writer Nikolai Garin-Mikhailovsky (1852–1906), and the other one – lawyer Yakov Teitel (1850–1939). Gorky calls Teitel «a truly righteous man», clarifying that he had a chance to meet «a truly righteous man» a maximum of six. Referring to Christ, Francis of Assisi, the founder of the Red Cross Henry Dunant and indomitable Dr. F. Haass, the writer models the biography, which was not popular in the 1930-s just as impressed by Mr. Bitter. Garin-Mikhailovsky, engineer and writer, came from a high-ranking noble family. Garin, according to Gorky, was distinguished by rare creative potential, creativity and responsiveness. The conclusion of this article is that the portraits of Russian intellectuals, capable of consent and compromise are particularly relevant for Gorky of the late period, in the 1930-s. In this manifestation of his humanity, wisdom and foresight of the future are revealed.

Keywords: A. M. Gorky, N. G. Garin-Mikhailovsky, J. L. Teitel, memories of the 1930-s on provincial Samara, biography, creative and versatile engineer, as well as «a truly righteous man» as a cultural model of tolerance-a sympathy with the glacier and compromise.

Юбилей А. М. Горького натолкнул на его биографические очерки, которые, как правило, не рассматриваются в ключе современных метапредставлений о культуре. В последний период жизни и творчества, когда А. М. Горькому выпала миссия «классика № 1», «создателя социалистической культуры», он выполнял назначенные роли, однако, осуществил множество «мега-проектов», которые внесли огромный вклад в развитие отечественной культуры последующих десятилетий. К тому же он спасал многих людей. В 1930-е гг. Горький часто выбирает для общения людей, обладавших редкой и даже веселой (легкой и компромиссной) способностью принимать «чужих» и «своих». Фоном для рассмотрения подобных персонажей становится вся мировая культура.

Еще в 2005 г., в сборнике научных трудов «Ментальные модели русской культуры» Ярославский профессор Т. С. Злотникова писала, что «для психического здоровья современного человека, живущего в поликонфликтном горизонте, компромисс есть благо...» [9]. Однако насколько компромисс был востребован в первые советские годы, когда важнейший лозунг для пропаганды и художественных направлений звучал «Кто не с нами, тот против нас»; или, допустим, как оценивается компромисс в современной российской культуре, в том числе, в художественной культуре?

Введем некоторые понятийные уточнения. В последние годы даже в профессиональной среде употребление понятия «толерантность» стало редкостью. На наш взгляд, дистанцирование происходит еще и потому, что слово «толерантность» плохо переводится на русский язык («терпимость», «терпение» не передают всей палитры его социокультурных смыслов). Более подходящие, распространенные и важные в русском языке конструкции имеют приставку «со»: со-гласие, со-переживание, со-чувствие, со-весть, со-знание и др. Семантически весь «куст» названных понятий очень тесно связан с «толерантностью» [3].

Задача данной статьи состоит, прежде всего, в том, чтобы на материалах текста 1930-х гг., которым писатель, судя по всему, дорожил, поместив его в Том № 17 Полного собрания сочинений, рядом с такими программными очерками, как «В. И. Ленин», «Красин», показать культурную влияние персонажей «со-гласия», казавшихся ему важными в конце жизни.

В выбранном нами очерке представлены портреты двух русских интеллигентов – инженера и писателя Н. Г. Гарина-Михайловского, а также юриста Я. Л. Тейтеля. Оба были знакомы Горько-

му еще по Самаре 1890-х гг. Тейтель работал помощником прокурора, в его доме встречался «весь город», именно там молодой журналист познакомился с выдающимся инженером, предпринимателем, знатоком разных территорий России и мира.

Их общение сохранилось на десятилетия. Горький впоследствии тщательно отредактировал все его литературные сочинения [11, С. 256–258]. К тому же он часто ссылался на Гарина-Михайловского в письмах: шла ли речь о новых литературных проектах либо о состоянии русской армии в начале Первой мировой войны.

Что касается Тейтеля, то провинциальный адвокат был и оставался для Горького образцом того, что мы называем сегодня толерантностью: способностью к согласию в самых обыденных ситуациях. Отсюда и определение Горького, которым был награжден Я. Л. Тейтель уже в очерке, написанном в 1927 г.: «веселый праведник».

Добавим к этому: именно в его доме Горький познакомился Катей Волжиной, на которой вскоре женился. С Екатериной Павловной Пешковой Тейтели дружили всю жизнь, встречались в те же 1930-е гг. в Берлине и в Париже. Многие годы Горький посылал Тейтелям свои сочинения с дарственными надписями: «Старым друзьям в благодарность за хорошие дни, проведенные в Самаре» [20, с. 41, 42].

В 1930-е же гг. один из известных русских эмигрантов, профессор Московского и Кембриджского университетов, говоря о биографии «веселого праведника», как сформулировал Горький, предложил другие определения. Профессор сказал, что Тейтель принадлежал к «ордену русской интеллигенции» той золотой поры, когда не спрашивали, кто иудей и кто эллин, а были связаны общим служением идеалу добра и правды». Имя профессора Московского и Кембриджского университетов мы хотели бы открыть только в конце данной статьи. Разумеется, мы не предлагаем ролевою игру: «Вам предстоит выбрать и назвать...», хотя интернет-игры безумно привлекают молодежь и арбитром в них нередко является Горький [3]. Вполне возможно, что в финале, рядом с Горьким, он появится в роли арбитра. Пусть будет пока анонимный профессор Московского и Кембриджского университетов, который так сошелся с Горьким в выборе героя в те же 1930-е гг. А мы начнем с Самары конца XIX в., где состоялось знакомство Горького, Гарина-Михайловского и Тейтеля.

Журналист с псевдонимом Иегудил Хламида печатался в «Самарской газете» около двух лет – с

1894-го по 1896 г. Здесь было опубликовано около 300 фельетонов, стихов и театральных рецензий, в том числе популярные «Два босяка», «Песня о соколе», «Старуха Изергиль». Под нажимом новых друзей, А. М. Горький собрал в два книжных тома свои опубликованные газетные тексты. Усилиями самарских же поклонников было учреждено специальное издательство «С. Дороватовского и А. Чарушникова». Двухтомник А. М. Горького в количестве 18 800 экземпляров распродали в короткое время, сначала в Петербурге, Москве, а потом и в других городах. Это был невероятный успех. В провинциальный город приехал журналист Пешков, а из Самары уезжал популярный писатель Максим Горький, прославившийся беспощадностью к низостям жизни и изрядно политизированными романтическими образами.

Окружение Горького в Самаре, быт и биографии детально описаны. Молодые ученые Самарского университета – доктор филологических наук Михаил Перепелкин, автор книги, посвященной писателю, – и кандидат филологических наук Илья Саморуков, сотрудник Самарского «Музея модерна» – суммируют: приехать в Самару посоветовал Короленко, поскольку «Самарская газета» считалась сильной; кроме того, здесь жили близкие с Короленко Карл Карлович и Мария Сергеевна Позерны [15]. Горький очень скоро покорила читателей Самары. Им восхищались, заботились, одевались как он. Владимир Иванович Пассе – врач и журналист, выступивший его «главным агентом» по организации издательства, в своих мемуарах, написанных уже в 1929 г., все еще сожалел, что бумага в легендарном двухтомнике была некачественной и опечаток много: «Но как бы то ни было, очерки были изданы и вместе с тем Горький прорвался к славе...» [16].

Добрыми были и отношения Горького с самарской интеллигенцией: Владимиром Николаевичем Хардиным – одним из ведущих медиков Самары, принадлежащим к дворянскому сословию; он близко общался с Николаем Георгиевичем Гариным-Михайловским и стремился «анатомировать» инженера, который представлял собою новый тип для русской провинции – практика и менеджера, как сказали бы мы сегодня. Наконец, здесь состоялась свадьба: его женой стала Екатерина Волжина, интеллигентная выпускница самарской Гимназии, впоследствии мать его двоих детей: сына Максима и рано умершей дочери Кати. Нити молодой, духовной общности тянулись через всю жизнь. Екатерина Павловна Пешкова уже после революции и через много лет после их развода

учредила российское «Общество красного креста», а он ей не только помогал, но даже спасал. Горький не забывал друзей и собеседников из прошлого, о чем свидетельствует, в частности, очерк, изданный в 1927 г., начинающийся с биографии «веселого праведника» и заканчивающийся на «анатомировании» инженера.

Вместе с тем Горький не жаловал этот волжский город, прозванный «русским Чикаго». Не было в Самаре ни старого университета, как в Казани; ни тысячелетних монастырских традиций, как в Ярославле; ни консерватории и музеев, как в Нижнем Новгороде и Саратове. Это был грубоватый и пестрый по этническому составу город купцов в первом поколении, заезжих заводчиков всех национальностей и религий. Погромов не было, но и культурной публики было мало: «Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить культуру вспять возвратится, зане город сей груб и убог» [7].

Дмитрий Быков, воспроизводящий в своей фундаментальной книге всю самарскую эпопею писателя, тонко интерпретирует его нетерпимость к городу: «Странно, что Горький, этот жесточайший, брезгливый реалист, знаток чужих грязных тайн, умудрявшийся в каждом подметить отвратительную или смешную черточку, – всю жизнь проносил ярлык идеалиста и романтика. Хотя что ж тут странного: романтику и положено ненавидеть действительность, он ее не щадит, любя только мечту» [5].

Судя по заметкам писательницы Александры Леонтьевны Тургеневой – матери Алексея Толстого, она могла встречаться с Горьким и Гариным-Михайловским на «Ассамблеях» в доме местного юриста и помощника прокурора Якова Львовича Тейтеля. Дом Тейтелей в Самаре Горький сразу принял и полюбил ровно за то, что мы сегодня называем «толерантностью».

Цитата из очерка «Веселый праведник», опубликованного через много лет: «Там, в его квартире, еженедельно собирались все наиболее живые, интересные люди города, впрочем – не очень богатого такими людьми. У него бывали все, начиная с председателя окружного суда Анненкова, потомка декабриста, великого умника и “джентльмена”, включая марксистов, сотрудников “Самарского вестника” и сотрудников враждебной “Вестнику” “Самарской газеты”, – враждебной, кажется, не столь “идеологически”, как по силе конкуренции. Бывали адвокаты-либералы и молодые люди неопределенного рода занятий, но очень преступных мыслей и намерений. Странно было

встречать таких людей «вольными» гостями судебного следователя, тем более странно, что они отнюдь не скрывали ни мыслей, ни намерений своих.

Когда появлялся новый гость, хозяева не знакомили его со своими друзьями, и новичок никого не беспокоил, все были уверены, что плохой человек не придет к Якову Тейтелю. Царила безграничная свобода слова» [6, с. 66–70].

Перебирая знакомых Горького в Самаре, мы уже назвали инженера и писателя. Очерк «Гарин-Михайловский», в котором описан «дом Тейтеля», впервые опубликованный в апреле 1927 г., в журнале «Красная новь», вышел под заглавием «Н. Г. Гарин-Михайловский». Однако начинается очерк с портрета, скажем даже «модели биографии» Якова Львовича Тейтеля [6]. Еще одна выразительная и поучительная, в том числе, знаменитая цитата из очерка А. М. Горького «Веселый праведник»: «Изредка в мире нашем являются люди, которых я назвал бы веселыми праведниками.

Я думаю, что родоначальником их следует признать не Христа, который, по свидетельству евангелий, был все-таки немножко педантом; родоначальник веселых праведников, вероятно, Франциск Ассизский: великий художник любви к жизни, он любил не для того, чтоб поучать любви, а потому, что, обладая совершеннейшим искусством и счастьем восторженной любви, не мог не делиться этим счастьем с людьми.

Я говорю именно о счастье любви, а не о силе сострадания, заставившей Анри Дюнана создать международную организацию «Красного Креста» и создающей такие характеры, как прославленный доктор Гааз, практик-гуманист, живший в тяжелую эпоху царя Николая Первого.

Но – жизнь такова, что чистому состраданию уже нет места в ней, и, кажется, в наше время оно существует только как маска стыда.

Веселые праведники – люди не очень крупные. А может быть, они кажутся не крупными потому, что с точки зрения здравого смысла их плохо видно на темном фоне жестоких социальных отношений. Они существуют вопреки здравому смыслу, бытие этих людей совершенно ничем не оправдано, кроме их воли быть такими, каковы они есть.

Мне посчастливилось встретить человека шесть веселых праведников; наиболее яркий из них – Яков Львович Тейтель, бывший судебный следователь в Самаре, некрещеный еврей» [6, 66–70].

Вопрос: тот ли это «жесточайший, брезгливый реалист» и романтик, ненавидящий действительность, как формулирует Д. Быков в своей монографии? В 1930-е гг. перед нами энциклопедически образованный человек, мыслящий категориями культуры и способный сопоставлять провинциального следователя, если не с Христом, то с Франциском Ассизским, если не с Анри Дюманом и доктором Гаазом, то с людьми, которых и не так-то хорошо видно «на темном фоне жестоких социальных отношений» [6].

Описывая знакомых из Самары через тридцать с лишним лет, Горький, рассуждал как писатель, философ и человек, постигший крутые перемены бытия. При этом автор очерка, опубликованного в 1927 г., вряд ли мог знать, что во второй половине XX в. на Тейтеля будут ссылаться в научных монографиях, изданных в Берлине и Париже, в газетах и журналах русских диаспор. Провинциального юриста рассматривают как один из образцов традиционной русской интеллигентности и толерантности.

Назовем теперь основные вехи биографии Я. Л. Тейтеля. Выпускник Московского университета 1875 г., сирота и выходец из бедных слоев, попавший в Москву благодаря кратковременным реформам М. Т. Лорис-Меликова. Закончив университет, он с трудом нашел работу в провинциальном городе на Волге, куда никто из его университетского выпуска не захотел ехать, а ему суждено было довольно счастливо проработать там более четверти века.

Тейтель стал единственным евреем по Министерству юстиции, дослужившимся до чина генерала. Причин было несколько. Он начал работать еще в царствование Александра Второго и был утвержден в списке министерских служащих, не имевшем тех этнических и религиозных ограничений, которые возникли в царствование Александра Третьего. К тому же в «провинциальной дыре» был такой дефицит университетских кадров, что на национальность особо внимания не обращали. И наконец, важнейшее: Тейтель заслужил уважение как исключительный профессионал и отзывчивый человек. Самарский краевед А. Н. Завальный собрал немало выразительных газетных и книжных цитат о Тейтеле: побывать в Самаре и не познакомиться с Тейтелем, все равно как приехать в Рим и не пойти на Мессу с участием Папы Римского; его блистательными расследованиями восхищаются как самые простые крестьяне, так и высокое начальство [10].

Впечатляет не только профессиональная карьера Я. Л. Тейтеля, но и умение собрать вокруг себя культурную среду: писателей, журналистов, актеров, создавать долговременные благотворительные проекты (например, приюты для сирот разных возрастов и национальностей), а еще ловить преступников и заставлять начальство уважать свои расследования. Мы уже цитировали Горького, побывавшего в первый раз на «Ассамблеях Тейтеля», где все имели право на собственное мнение. Сошлемся еще на драматурга и писателя Евгения Чирикова, считавшего, что обязан Тейтелю всей своей творческой судьбой [11]. Н. Г. Гарин-Михайловский несколько раз выводит в своих художественных произведениях похожего на Тейтеля гостеприимного и добрейшего интеллигента. Наконец, невозможно не упомянуть, что под руководством Тейтеля проходил свою единственную адвокатскую практику в Самаре молодой Ульянов-Ленин, о котором потом, в своих берлинско-парижских «Мемуарах» 1925 г., Тейтель напишет всего одну фразу: «Очень молчаливый молодой человек» [12].

При всем сказанном, Тейтель вовсе не был благодушен. Он выявлял по работе преступников, стремился к законности и справедливости, умел довести до осуществления каждый приговор. К примеру, перед началом Первой мировой войны Я. Л. Тейтель вступил в принципиальный конфликт с Саратовским губернатором П. А. Столыпиным по поводу необходимости наказывать погромщиков. Заведенные им дела ушли в производство через 5 лет (!), но все же не были прекращены и остановлены по его принципиальному и многолетнему настоянию [1]. На пороге 2000-х гг. А. И. Солженицын включил в свою книгу «Двести лет вместе» ссылки на дискуссии с Тейтелем: темы все те же, «погромные». По мнению прокурора, погромщиков – переодетых полицейских – надо наказывать, а по утверждению писателя, «виноваты обе стороны» [18].

Между 1918 и 1939 гг. волны эмиграции забросили Тейтеля, как уже говорилось выше, в Берлин и Париж, где он стал, в буквальном смысле, звездой русской эмиграции [20]. Он почти не располагал средствами, к тому же слабо владел языками. Однако старый человек бросился помогать и сумел организовать достаточно эффективный Фонд помощи студентам и молодежи – выходцам из России. Богатые эмигранты доверяли ему и жертвовали средства. Как вспоминал пианист и близкий знакомый Л. Н. Толстого А. А. Гольденвейзер, 80-летний председатель Фонда помощи студентам

остается если не единственным сборщиком средств для беженцев, то самым уважаемым [19]. На этот гуманитарный проект, эффективно работавший в Берлине, ссылаются практически все современные российские и немецкие исследователи [2].

В 30-е гг., когда наступили тяжелые времена, Я. Л. Тейтель вынужден перебраться в Париж. Не смотря ни на что в 1931 г. в Берлине и в Париже прошли чествования по случаю 80-летия Тейтеля, а также была издана книга с приветствиями и речами в адрес юбиляра. Среди авторов этого юбилейного сборника были М. Винавер, С. Дубнов, Г. Слиозберг, М. Берхин-Бенедиктов. Здесь также помещены приветственные письма Н. Соколова, О. Грузенберга, П. Н. Милюкова, Л. Шестова, П. Струве, И. Шмелева, М. Осоргина, Е. Чирикова; речи Ю. Айхенвальда, И. Гессена, М. Гольдштейна, Н. Таганцева, П. Милюкова, А. Гольденвейзера, М. Абрамовича. Приведем несколько выписок из этого уникального издания.

«Наплыв желающих почтить престарелого председателя Фонда помощи студентам и молодежи России был настолько велик, что расстроил все расчеты организаторов юбилейного праздника. Сотням желающих попасть было отказано, и все же в переполненном до отказа зале присутствовало свыше 700 человек...» [20, по материалам газеты «Руль» от 17 января 1931 г., опубликованным в юбилейном сборнике].

Нижеприведенные цитаты ранее никогда не публиковались и приведены по упоминавшейся выше книге: «Я. Л. Тейтель. Юбилейный сборник», изданной группой его парижских друзей (Париж – Берлин, 1931) [20].

Из речи Б. Л. Гершуни, Союз русской присяжной адвокатуры: «Вся Ваша жизнь проникнута одним началом – служением людям, активной любовью к каждому человеку. Вспомните удивительные слова в прологе к Фаусту: Ein guter Mensch in seinem dunklen Drange ist sich des rechten Weges wohl bewusst. Вы всю жизнь шли одной дорогой – к одной цели, и соблазны карьеры, заработка для Вас не существовали».

Из речи Я. В. Молдавского, Союз русских врачей: «Природа щедро одарила вас тем, что называется добротой, и вы радостно излучаете эту доброту и богатым, и бедным, и старцам, и младенцам, и здоровым. И больным, и единоверцам, и иноверцам. Вы не знаете никаких религиозных и классовых перегородок, для вас существует лишь «человек».

Письмо П. Б. Струве: «Почитаю своим приятным долгом от редакции “России и славянства” и от себя лично приветствовать Вас по случаю исполнившегося вашего 80-летия как достойного деятеля в области русского суда и русской ответственности и пожелать вам еще многие годы личным примером своей твердости и бодрости поддерживать наш дух». (Париж, 23 января 1931 г.)

Письмо И. С. Шмелева: «Много доброго слышал я и читал о Вас, но не случалось мне узнать Вас лично. Теперь я узнал Вас – лично, по Вашему золотому слову человека, узнал Вас, и сердце сладко затомилось и радостно забило. Спасибо вам за эти чудесные слова об искре Господней в людях, во всех людях. Ныне эта мера нужна нам всем, особенно нужна ныне, когда, вообще, падает человек, и падает вера в человека».

Таким образом, биография «веселого праведника», зорко подмеченная А. М. Горьким в провинциальной Самаре, подтвердилась и в Европе. Однако задача этой статьи состояла в том, чтобы указать на некие культурологические универсалии, пронизательно подмеченные Горьким, а потом подтвержденные деятельностью Тейтеля.

Для реализации этой задачи представим сначала несколько библиографических пояснений, несомненно, свидетельствующих о некоторой универсальности биографии Тейтеля. Так же, как органично вписался он в провинциальный русский город, органичен он был и в Европе. В наши дни публикации, посвященные Якову Львовичу Тейтелю, нетрудно найти в библиотеках Кельна и Берлина, Москвы и Парижа. Например, автор этих строк был потрясен, когда, заказав «Мемуары Тейтеля» в Кельнской городской библиотеке, довольно скоро получил экземпляр книги с предисловием С. М. Дубнова и с дарственной подписью автора. Я. Л. Тейтель подписал свою книгу С. М. Дубнову, известному историку и просветителю, приезжавшему в Германию в конце 1920-х гг. Дважды в Германии издавались переводы мемуаров Я. Л. Тейтеля на немецкий язык [23]. Деятельность берлинского Фонда помощи студентам и молодежи – выходцам из России, как уже отмечалось выше, – всегда упоминается в фундаментальных работах, посвященных русской эмиграции [2].

В Москве, на Таганке, в библиотеке-фонде «Русское зарубежье», автор этих строк еще раз был потрясен, когда незамедлительно получил выше цитированный, юбилейный сборник «Я. Л. Тейтель. Юбилейный сборник. – Берлин – Париж» (1931 г.) [15]. В статье «Динамика толе-

рантности» мы уже ссылались на многотомное издание «Евреи в культуре русского зарубежья», выходящее с 1992 г. в Иерусалим под редакцией М. А. Пархомовского – замечательный очерк Э. Капитайкина, посвященный Я. Л. Тейтелю [11]. Данная серия также имеется в библиотеке-фонде «Русское зарубежье».

Теперь представим современные исследования о Горьком и его окружении, выполненные в Самаре. Их немало и в этом огромная заслуга Маргариты Павловны Лимаревой – первого директора Литературного музея имени А. М. Горького. Это она приумножила и сохранила ценнейшие архивы культурной Самары, а в 1983 г. сумела добиться открытия еще одного музейного филиала – музея-усадьбы А. Н. Толстого. Важным шагом было открытие музейных архивов для писателей, ученых и журналистов. Среди них был талантливый журналист и писатель Ю. А. Оклянский, автор несколько раз переиздававшей книги «Шумное захолустье» [14]. Это был один из редких опытов советского времени по изучению биографий провинциальной культуры, оцененный тогда столичными критиками как хорошая, но «малая литература» [22].

И еще несколько ссылок, теперь уже из 1990-х гг. Губернатор Самары тех лет К. А. Титов выдвинул экономический и культурный проект «Иерусалим на Волге», поднявший «железный занавес» над закрытым городом Куйбышевом. В рамках проекта в 1992 г. был издан альманах «Евреи провинциальной России», открывавшийся очерком «Диктатура сердца» и посвященный А. М. Горькому и Я. Л. Тейтелю [4]. Для автора этих строк данная работа была неожиданной, увлекательной и... нелегкой. С другой стороны, незабываема бескомпромиссная поддержка профессора Г. Г. Дадамяна, театрального гуру и московского «веселого праведника»; поздравления израильских дипломатов, поддержавших Самарскую культурную инициативу.

Отдельная библиографическая строка – ссылки на современных молодых ученых, работы которых стимулировались произведениями А. М. Горького, а также деятельностью самарской дореволюционной интеллигенции [13].

Подведем методологические итоги, вытекающие, как нам кажется, из вышеприведенных материалов.

Из интерпретации А. М. Горького следует, что город нуждается в отзывчивых гуманистах, допускающих разные мнения. Такова была логика «веселого праведника» и великого писателя, кото-

рый к 1927 г., к моменту написания одного из 300 своих очерков, обладал колоссальным европейским кругозором, а с другой стороны, беспрецедентным влиянием в молодой советской стране. В эту пору «советский классик № 1» искал согласия и компромиссов.

По словам П. Н. Милюкова, выдающегося историка, уважаемого Кембриджского профессора, старый самарский юрист принадлежал к «ордену русской интеллигенции» той золотой поры, когда не спрашивали, кто иудей и кто эллин, а были связаны общим служением идеалу добра и правды. Используя другие понятия, нежели Горький, Милюков был очень близок к горьковскому пониманию подобной судьбы.

Биографии – бесценный материал для изучения исторического времени, о чем писали и пишут ведущие современные специалисты – профессор Т. С. Злотникова [9], профессор Л. П. Репина и др. [17]. Методология исследования биографии как жанра культуры широко представлена в зарубежных социокультурных исследованиях [24]. Рассмотрение портретов «праведников» (инженеров и юристов), созданных А. М. Горьким в 1930-е гг., чья деятельность осуществлялась на сцене провинциальных городов России, убеждает если не в совпадении, то в близости современных европейских смыслов толерантности с со-чувствием и солидарностью в традициях русской культуры.

Библиографический список

1. БСЭ. Большая Саратовская Энциклопедия. 2010–2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://saratovregion.ucoz.ru/people/politics/teytel.htm>
2. Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920–1941) [Текст] / Олег Будницкий, Александра Полян. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 496 с.
3. Бурлина, Е. Я. Межкультурная коммуникация. Толерантность. Избранные статьи, исследования, проекты. 2001–2007. Со-действие, со-бытие, со-знание, со-весть [Текст] / Елена Бурлина. – Самара: Самарское книжное издательство, 2007. – 304 с.
4. Бурлина, Е. Я. Евреи провинциальной России [Текст]: альманах / Е. Я. Бурлина. – Самара: Терем, 1992. – С. 6–14.
5. Быков, Д. Был ли Горький? [Электронный ресурс] / Дмитрий Быков. – М.: АСТ. Астрель, 2012. – 348 с. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/144738-dmitriy-bykov-by-l-i-gorkiy-biograficheskiy-ocherk.html>
6. Горький, А. М. Собрание сочинений [Текст]: в 30 т. / А. М. Горький: Т. 17. Рассказы, очерки, воспоминания 1924–1936. – М.: Гослитиздат, 1952. – С. 66–70.
7. Завальный, А. Н. Самара во все времена [Текст] / Александр Завальный. – Самара: Раритет, 2004. – С. 43, 67.
8. Злотникова, Т. С. Методологическое обеспечение исследования ментальных моделей русской культуры [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль: ЯГПУ, 2005. – С. 25.
9. Иокар, Л. Гарин-Михайловский и Горький [Текст] / Л. Иокар // Горьковские чтения 1964–1965. Горький и русская литература начала XX века / Л. Иокар. – М.: Наука, 1996. – С. 256–258.
10. Капитайкин, Э. «Веселый праведник» [Текст] / Э. Капитайкин // Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. – Выпуск 1. 1919–1939 гг. / сост. Михаил Пархомовский. – Иерусалим, 1992. – С. 465–475.
11. Карта истории. Когда сбылась мечта. Какой выбор сделали бы вы? [Электронный ресурс] // Интернет-игра «Вы – Максим Горький. Вам предстоит сделать выбор». – Режим доступа: <http://www.kartaistorii.ru/o-proekte/>
12. Кривопалова, Н. Ю. Российская провинциальная интеллигенция в 1907–1914 гг.: социальная структура и деятельность (на материалах Самарской губернии) [Текст]: монография / Наталья Кривопалова; под науч. ред. М. В. Астахова. – Самара: Офорт, 2009. – 230 с.
13. Окланский, Ю. Шумное захолустье [Текст] / Юрий Окланский. – Куйбышев: Книжное изд-во, 1965. – 336 с.
14. Перепелкин, М., Саморуков, И. Бегство в Самару и бегство из Самары [Электронный ресурс] / М. Перепелкин, И. Саморуков. – Режим доступа: <http://gubernya63.ru/team/authors/samorukov.html>
15. Поссе, В. А. Мой жизненный путь. Воспоминания [Текст] / Владимир Поссе. – Режим доступа: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/kritika/charushnikov-gorkij-pervye-knigi.htm>
16. Репина, Л. П. История через личность: историческая биография сегодня. 2-е изд. [Текст] / Л. П. Репина. – М.: Квадрига, 2010. – 720 с.
17. Солженицын, А. И. Двести лет вместе (1795–1995). Часть I. «Исследования новейшей русской истории – 7» [Текст] / Александр Солженицын. – М.: Русский путь, 2001. – 219 с.
18. Тейтель, Я. Л. Юбилейный сборник». – Издано группой друзей к его 80-летию [Текст] / Яков Тейтель. – Париж – Берлин, 1931.
19. Тейтель, Я. Из моей жизни. За сорок лет [Текст] / Яков Тейтель. – Изд-во Я. Поволоцкий и Ко. Париж Берлин – Париж, 1925.
20. «Путешествие в прошлое» / сост.

А. Н. Завальный, Ю. Е. Рыбалко. – Александр Завальный. – Самара : Самарское книжное изд-во, 1992. – С. 205–236.

21. Финицкая, З. Литература «большая» и «малая» [Текст] / З. Финицкая // Вопросы литературы. – 1966. – № 7. – С. 220–222.

22. Teitel, Jacob: Aus meiner Lebensarbeit Erinnerungen eines jüdischen Richters im alten Rußland / Mit einem Vorwort von Simon Dubnow und einer Charakteristik von Maxim Gorki. Deutsch von Elias Hurwicz. Neu herausgegeben mit einem Essay und Anmerkungen von Ludger Heid. Einleitung von Hermann Simon / Jacob Teitel: Verlag Hentrich & Hentrich, Teetz. 1999. – S. 318.

23. Schilling, Elisabeth. Unterbrochene Karrieren: Wandel weiblicher Erwerbsverläufe in der öffentlichen Verwaltung / Elisabeth Schilling: (German Edition) / Nov 14, 2014. 50–81.

Bibliograficheskiy spisok

1. BSJe. Bol'shaja Saratovskaja Jenciklopedija. 2010–2017 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://saratovregion.ucoz.ru/people/politics/teytel.htm>

2. Budnickij O., Poljan A. Russko-evrejskij Berlin (1920–1941) [Tekst] / Oleg Budnickij, Aleksandra Poljan. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 496 s.

3. Burlina, E. Ja. Mezhhkul'turnaja kommunikacija. Tolerantnost'. Izbrannye stat'i, issledovanija, proekty. 2001–2007. So-dejstvie, so-bytie, so-znanie, so-vest' [Tekst] / Elena Burlina. – Samara : Samarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. – 304 s.

4. Burlina, E. Ja. Evrei provincial'noj Rossii [Tekst] : al'manah / E. Ja. Burlina. – Samara : Terem, 1992. – S. 6–14.

5. Bykov, D. Byl li Gor'kij? [Jelektronnyj resurs] / Dmitrij Bykov. – M. : AST Astrel', 2012. – 348 s. – Rezhim dostupa: <https://www.libfox.ru/144738-dmitriy-bykov-byl-li-gorkiy-biograficheskiy-ocherk.html>

6. Gor'kij, A. M. Sobranie sochinenij [Tekst] : v 30 t. / A. M. Gor'kij: T. 17. Rasskazy, ocherki, vospominanija 1924–1936. – M. : Goslitizdat, 1952. – S. 66–70.

Gor'kij Maksim. * * * («Smertnyj, vhodjashij v Samaru s nadezhdoj v nej vstretit'...») [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/stihi/smertnyj-vhodyaschij-v-samaru.htm>

7. Zaval'nyj, A. N. Samara vo vse vremena [Tekst] / Aleksandr Zaval'nyj. – Samara : Raritet, 2004. – S. 43, 67.

8. Zlotnikova, T. S. Metodologicheskoe obespechenie issledovanija mental'nyh modelej russkoj kul'tury [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl' : JaGPU, 2005. – S. 25.

9. Iokar, L. Garin-Mihajlovskij i Gor'kij [Tekst] / L. Iokar // Gor'kovskie chtenija 1964–1965. Gor'kij i russkaja literatura nachala HH veka / L. Iokar. – M. : Nauka, 1996. – S. 256–258.

10. Kapitajkin, Je. «Veselyj pravедnik» [Tekst] / Je. Kapitajkin // Sbornik statej, publikacij, memuarov i jes-

se. – Vypusk 1. 1919–1939 gg. / sost. Mihail Parhomovskij. – Ierusalim, 1992. – S. 465–475.

11. Karta istorii. Kogda sbylas' mechta. Kakoj vybor sdelali by vy? [Jelektronnyj resurs] // Internet-igra «Vy – Maksim Gor'kij. Vam predstoit sdelat' vybor». – Rezhim dostupa: <http://www.kartaistorii.ru/o-proekte/>

12. Krivopalova, N. Ju. Rossijskaja provincial'naja intelligencija v 1907–1914 gg.: social'naja struktura i dejatel'nost' (na materialah Samarskoj gubernii) [Tekst] : monografija / Natal'ja Krivopalova ; pod nauch. red. M. V. Astahova. – Samara : Ofort, 2009. – 230 s.

13. Okljanskij, Ju. Shumnoe zaholust'e [Tekst] / Jurij Okljanskij. – Kujbyshev : Knizhnoe izd-vo, 1965. – 336 s.

14. Perepelkin, M., Samorukov, I. Begstvo v Samaru i begstvo iz Samary [Jelektronnyj resurs] / M. Perepelkin, I. Samorukov. – Rezhim dostupa: <http://gubernya63.ru/team/authors/samorukov.html>

15. Posse, V. A. Moj zhiznennyj put'. Vospominanija [Tekst] / Vladimir Posse. – Rezhim dostupa: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/kritika/charushnikov-gorkij-pervye-knigi.htm>

16. Repina, L. P. Istorija cherez lichnost': istoricheskaja biografija segodnja. 2-e izd. [Tekst] / L. P. Repina. – M. : Kvadriga, 2010. – 720 s.

17. Solzhenicyn, A. I. Dvesti let vmeste (1795–1995). Chast' I. «Issledovanija novejshej russkoj istorii – 7» [Tekst] / Aleksandr Solzhenicyn. – M. : Russkij put', 2001. – 219 s.

18. Tejtjel', Ja. L. Jubilejnyj sbornik». – Izdano gruppoj druzej k ego 80-letiju [Tekst] / Jakov Tejtjel'. – Parizh – Berlin, 1931.

19. Tejtjel', Ja. Iz moej zhizni. Za sorok let [Tekst] / Jakov Tejtjel'. – Izd-vo Ja. Povolockij i Ko. Parizh Berlin – Parizh, 1925.

20. «Puteshestvie v proshloe» / sost. A. N. Zaval'nyj, Ju. E. Rybalko. – Aleksandr Zaval'nyj. – Samara : Samarskoe knizhnoe izd-vo, 1992. – S. 205–236.

21. Finickaja, Z. Literatura «bol'shaja» i «malaja» [Tekst] / Z. Finickaja // Voprosy literatury. – 1966. – № 7. – S. 220–222.

22. Teitel, Jacob: Aus meiner Lebensarbeit Erinnerungen eines jüdischen Richters im alten Rußland / Mit einem Vorwort von Simon Dubnow und einer Charakteristik von Maxim Gorki. Deutsch von Elias Hurwicz. Neu herausgegeben mit einem Essay und Anmerkungen von Ludger Heid. Einleitung von Hermann Simon / Jacob Teitel: Verlag Hentrich & Hentrich, Teetz. 1999. – S. 318.

23. Schilling, Elisabeth. Unterbrochene Karrieren: Wandel weiblicher Erwerbsverläufe in der öffentlichen Verwaltung / Elisabeth Schilling: (German Edition) / Nov 14, 2014. 50–81.

Reference List

1. BSE. Big Saratov Encyclopedia. 2010–2017 [Electronic resource]. – Access mode: <http://saratovregion.ucoz.ru/people/politics/teytel.htm>

2. Budnitsky O., Polyan A. The Russian-Jewish Berlin (1920–1941) / Oleg Budnitsky, Aleksandra Polyan. – M. : Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2013. – 496 p.

3. Burlina E. Ya. Cross-cultural communication. Tolerance. Chosen articles, researches, projects. 2001–2007. Assistance, event, consciousness, conscience / Elena Burlina. – Samara : Samara Book Publishing House, 2007. – 304 p.
4. Burlina E. Ya. Jews of provincial Russia : almanac / E. Ya. Burlina. – Samara : Terem, 1992. – P. 6–14.
5. Bykov D. Was it Gorky? [Electronic resource] / Dmitry Bykov. – M. : AST. Astrel, 2012. – 348 pages – the access Mode: <https://www.libfox.ru/144738-dmitriy-bykov-by-l-gorkiy-biograficheskiy-ocherk.html>
6. Gorky A. M. Selected works : in 30 v. / A. M. Gorky: V. 17. Stories, essays, memoirs of 1924–1936. – M. : Goslitizdat, 1952. – P. 66–70.
7. Gorky Maxim. * * * («Mortal, entering Samara with hope in her to meet...») [Electronic resource]. – Access mode: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/stihi/smertnyj-vhodyaschij-v-samaru.htm>
8. Zavalny A. N. Samara at all times / Aleksandr Zavalny. – Samara : Raritet, 2004. – P. 43, 67.
9. Zlotnikova T. S. Methodological providing research of mental models of the Russian culture / T. S. Zlotnikova. – Yaroslavl : YSPU, 2005. – P. 25.
10. Iokar L. Garin-Mikhailovsky and Gorky / L. Iokar // Gorky readings 1964–1965. Gorky and Russian literature of the beginning of the XX century / L. Iokar. – M. : Nauka, 1996. – P. 256–258.
11. Kapitaikin A. A. «The cheerful righteous person» / E. Kapitaikin // Collection of articles, publications, memoirs and essay. – Release 1. 1919–1939 / author Mikhail Parkhomovsky. – Jerusalem, 1992. – P. 465–475.
12. Map of history. When the dream has come true. What choice would be made by you? [An electronic resource] // the Inter-net-igra «you are Maxim Gorky. You should make a choice». – Access mode: <http://www.kartaistorii.ru/o-proekte/>
13. Krivopalova N. Yu. Russian provincial intellectuals in 1907–1914: social structure and activity (on materials of the Samara province): Monograph / Natalya Krivopalova; under scientific editorship of M. V. Astakhov. – Samara : Ofort, 2009. – 230 p.
14. Oklyansky B. B. Noisy remote place / Yury Oklyansky. – Kuibyshev: Book Publishing House, 1965. – 336 p.
15. Perepelkin M., Samorukov I. Escape to Samara and flight from Samara [An electronic resource] / M. Perepelkin, I. Samorukov. – Access mode: <http://gubernya63.ru/team/authors/samorukov.html>
16. Posse V. A. My course of life. Memoirs / Vladimir Posse. – Access mode: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/kritika/charushnikov-gorkij-pervye-knigi.htm>
17. Repina L. P. history through the personality: historical biography today. 2nd edition / L. P. Repina. – M. : Kvadriga, 2010. – 720 p.
18. Solzhenitsyn A. I. Two hundred years together (1795–1995). Part I. «Researches of the latest Russian history – 7» / Aleksandr Solzhenitsyn. – M. : Russky put, 2001. – 219 p.
19. Teitel Ja. L. Anniversary collection». – It is published by group of friends to his 80 anniversary / Yakov Teytel. – Paris – Berlin, 1931.
20. Teitel Ja. From my life. In forty years / Yakov Teitel. – Ya. Povolotsky I Ko Publishing House. Paris Berlin – Paris, 1925.
21. «Travel to the past» / author. A. N. Zavalny, Yu. E. Fishing. – Aleksandr Zavalny. – Samara : Samara Book Publishing Hhouse, 1992. – P. 205–236.
22. Finitskaya Z. Literature «big» and «small» / Z. Finitskaya // Literature Questions. – 1966. – № 7. – P. 220–222.
23. Teitel Jacob: Aus meiner Lebensarbeit Erinnerungen eines jüdischen Richters im alten Rußland / Mit einem Vorwort von Simon Dubnow und einer Charakteristik von Maxim Gorki. Deutsch von Elias Hurwicz. Neu herausgegeben mit einem Essay und Anmerkungen von Ludger Heid. Einleitung von Hermann Simon / Jacob Teitel: Verlag Hentrich & Hentrich, Teetz. 1999. – S. 318.
24. Schilling Elisabeth. Unterbrochene Karrieren: Wandel weiblicher Erwerbsverläufe in der öffentlichen Verwaltung / Elisabeth Schilling: (German Edition) / Nov 14, 2014. 50–81.